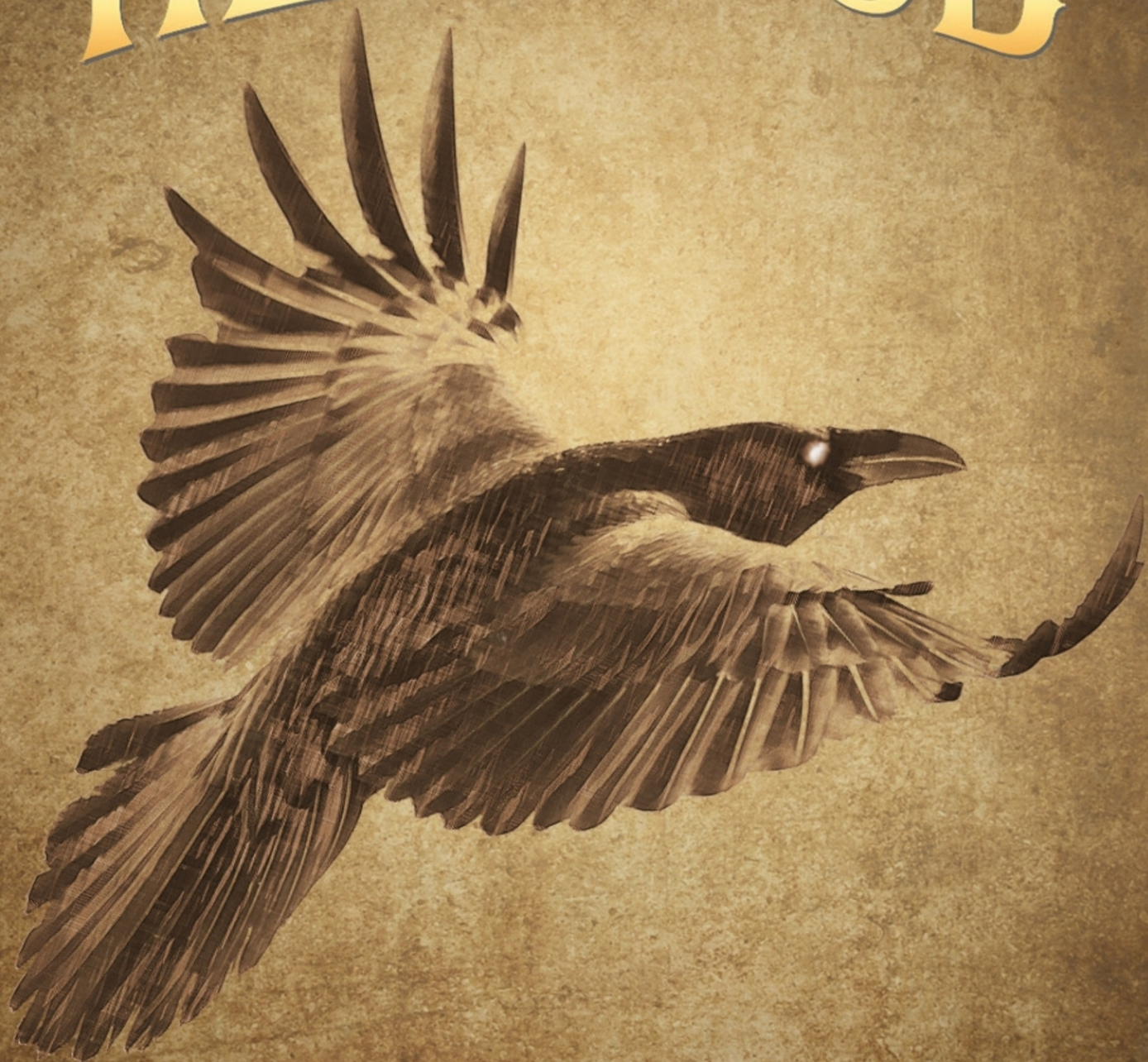

НИК
ПЕРУМОВ

Триключения
МОЛЛИ БЛЭКУОТЕР

• ВЕДУНЬИН ДВОР •

повесть

12+

Приключения Молли Блэкуотер

Ник Перумов
Ведуный двор

«Автор»

2017

Перумов Н.

Ведуньин двор / Н. Перумов — «Автор», 2017 — (Приключения Молли Блэкуотер)

Не всегда была старой чародейка Анея Вольховна, наставница юной Молли. Была и она молодой, когда вместе с наставницей Дивеей пришлось ей столкнуться с наступающими имперцами...

– Недоброе затеяли.

Над звенящим летним лугом, над клевером и лютиками, васильками и медвянкой, над зелёным густым разнотравьем раздались негромкие, исполненные тревоги слова.

– Недоброе затеяли.

Сухая, сморщенная старуха застыла, опираясь на клюку. Седые волосы перехвачены на лбу кожаным ремешком, а на него чего только не нанизано! Мелкие речные камушки с сотворёнными самой природой отверстиями, какие-то костяные брелоки, кусочки янтаря, потемневший от времени серебряный кругляш с медвежьей головой...

Из-под ног вниз, в лесистую долину, где вилась широкая река, уходило радостное и многоцветное буйство лета, когда всё растёт, тянется к солнцу, зеленеет. Когда жужжат пчёлы, торопясь к улью, когда люди, свалив сенокос, переводят дух, совсем чуть-чуть, потому что ещё немного – и уже жатва.

Старуха была суха, но держалась прямо. Клюка поднималась выше головы, нависает тяжёлый крюк, словно клюв хищной птицы. Да, точно! – вот и янтарные глаза мелькнули в коричневом отполированном дереве.

Рядом со старухой, облачённой в коричневый же плащ до самых пят, застыли двое ребятшек лет восьми-девяти. Оба в домотканых рубахах и таких же портах, волосы у девочки убраны под платок, у паренька, подобно старухе, стянуты на лбу. Рубахи с косым воротом расшиты мелким алым крестиком – солнце, деревья, странные звери навроде медведей, вставших на дыбы.

У паренька были очень светлые волосы, выгоревшие вдобавок на солнце. У девочки – напротив, из-под платка кое-где выбивались цвета воронова крыла.

Далеко-далеко внизу скользила река, извиваясь среди крутых берегов, огибая тянущиеся на юг отроги гор.

И там копошились похожие на муравьёв человеческие фигурки. Копошились, суетились вокруг невиданных огромных машин, что способны двигаться сами, словно Емелина печка из сказки. Их народ уже видал. Сперва-то, конечно, опешили, но привыкли, и быстро. Магия и не такое может, решили поначалу; но ведуньи с ведунами только покачали головами: не магия тут, другое совсем.

Самоходные машины. Штука, конечно, посложнее и похитрее ветряных да водяных мельниц, но ничего особенного. Двигает что-то тяжёлые колёса или там жернова, а что именно двигает, уже не так важно. Рассказывали, что пар. Это может быть, это понятно – котёл, ежели его запечатать наглухо, да на огонь кипятиться поставить, так и лопнуть может.

– Зорька, Ольг – а ну-ка, быстро вниз! – скрипуче приказала старуха. – Поглядите, что там и зачем. И мне скажите. Особливо смотрите – коль зрячий покажется. Там он где-то, нутром чую...

– Да, матушка Верей! – хором откликнулись ребяташки.

И – изменились разом.

Зорька резко взмыла вверх чёрной птицей, по виду – как некрупный сокол-пустельга, только с оперением, как у ворона. Олыг растянулся в прыжке, оборачиваясь зайцем.

Сама старая ведунья осталась стоять, словно вырезанная из коричневого дерева статуя.

Чёрная пустельга стремительно набирала высоту; заяц, совершенно незаметный среди травы своим странным, коричневато-зеленоватым мехом, какого никогда не бывает у обычных зайцев, мчался вниз по склону огромными прыжками, из стороны в сторону, словно уворачиваясь от невидимых стрел.

Там, внизу, у реки, всюду пытели механизмы, поднимались в чистое небо клубы жирного дыма из труб. Слышался визг циркулярных пил; стальные захваты приподнимали подсечённые под корень вековые деревья, тут же, на месте, машины ошкуривали их, затачивали концы. Паровая баба уже вбивала в дно первые сваи. Люди в чёрных кожаных куртках, кожаных шлемах с круглыми очками-консервами, с револьверами на поясах сидели за рычагами; работа у них спорилась.

– На что любишься, наставница Веря Велиславна?

Голос, раздавшийся за спиной у старухи, был упрям, суховат и силён. Молодая женщина, едва ли давно разменявшая третий десяток, поджарая, словно волчица. На лице нет морщин, а вот волосы уже седые, и спускаются на грудь длинными снежными прядями, на концах – деревянные кольца-обереги, со сложными рёзками на них. Нос с горбинкой, густые брови сдвинуты. Руки сложены на груди. Невелика ростом, а и сверху вниз на неё не посмотришь.

– Явилась, – так же сухо ответствовала старуха. – Как же без Анеи Вольховны, первой чародейки русских земель!

– Явилась, – кивнула Анея. Как и у юной Зорьки, голову её покрывал плат, только узел не под подбородком, а на затылке. – По делу шла, а уж коль «явилась»... Спросить явилась, зачем ты Зорю с Ольгом, превращальщиков, к реке погнала? Имперцы там мост ладят, отсюда вижу. А чего не увидела б глазами, явила бы чарами. Зачем ребятишками рискуешь, наставница?

Веря поджала губы, ответила неохотно, но всё же ответила.

– А где ж их ещё учить, как не на имперцах? Пугала огородные пересчитывать? Не-ет, Анея, только так. Тебя также вот учила... и выучила, на свою голову.

Анея Вольховна ухмыльнулась снисходительно, мол, болтай, старушка.

– Тем горжусь, – продолжала, однако, старая Веря. – Первая чародейка ты и есть! Не всем это по нраву, признаюсь, однако чего ты со мной пререкаешься-то вздумала? Нельзя пацанам да пацанкам волю давать, жалеть их нельзя, гнать их, лежебок, надо, вперёд и только вперёд! Только так толк и выйдет. Вот как из тебя вышел.

– Да уж, вышел. – Анея следила за чёрной пустельгой, каких не бывает в природе. Маленькая соколица описывала круги над строящейся переправой. – Я твоего двора, Веря

Велиславна, боялась пуше смерти. Лупила ты меня, наставница, смертным боем, чем попало и по чему попало. И ремнём потчевала, и розгами, и веником, и даже черенком от лопаты ты меня отколошматила как-то раз...

– Да? – равнодушно пожевала губами старуха. – Не припомню. Одно могу сказать, Анеюшка, ученица моя первейшая – всё к лучшему обернулось. Спокойно могу теперь в могилку улечься. Сильную ведунью – тебя – вырастила, сильнее себя самой! Вот только двора своего у тебя нет, а это плохо. Должен быть у первой ведуньи земель наших свой двор, вот как у меня.

– Меня вырастила, а такую редкость уродившуюся, сразу двух превращальщиков, – к имперцам гонишь, – покачала головой молодая ведунья. – Ремень или хворостина ещё ладно, порой и впрямь надо. А вот так, прямо Ворону в когти... А что до «дворов»... так ведь боялись его, Верея Велиславна, боялись до жути, чуть что – «в Верее на двор захотел?» – матери детей пугали.

– Вот и правильно, – проскрипела старая ведунья. – Так и должно быть. Малых да неразумных бабайками пугать можно, а кто подрост, тех кем?.. А без этого нельзя, забалуют!..

Анея только головой покачала.

– Всё равно. Зорька да Ольг...

– Всё с ними будет хорошо. – Верея не шелохнулась. «Железная она, что ли?» – с невольным уважением подумала Анея. Головы не повернёт, голоса не повысит. А ведь знает, что меня слабее. И знает, что... что не люблю я её. А она меня. Бывает такое, да; хоть и выучила она меня всему, и под Чёрной горой вместе стояли, цепь замыкая, подземный огонь усмирить чтобы, – а вот не люблю. Слишком уж лютовала. Слишком уж часто за ремень хваталась.

– А если не будет? Отзови их, Верея Велиславна. Твои то ученики, не мои. Тебе круг их доверил, не мне. А знаешь, почему, наставница? Потому что ты меня выучила. Потому что ко мне идут теперь вереницей. Анея Вольховна то, Анея Вольховна сё. Так что я тоже голос имею.

– Ничего ты не имеешь. – Вывести из себя старую колдунью, казалось, было совершенно невозможно. – Вот во дворе собственном утвердишься, вот дадут тебе когда ученицу, тогда и решать станешь, за что взяться – за вожжи, за хворостину, или ещё как вразумлять.

– Отзови их, наставница! Отзови, пока не поздно! Не просто так там мост ладят, не чувствуешь, что ли? Опять этот... зрячий притащился. Боюсь, он и сквозь облик их истинную натуру разглядеть сможет. Не чувствуешь, наставница?

– Отчего ж не чувствовать, Анеюшка? – обманчиво миролюбиво протянула старуха. – Всё я чую. Не выжила ещё из ума, ветер да травы слушать не разучилась. Потому здесь и торчу. Чую зрячего, и ребятишек на него натаскиваю. Иль думаешь, у меня силы их вытащить не хватит? Ещё как хватит. Да и ты здесь, любезная моя. Подмогнётся, коль чего, – колдунья хихикнула.

– Подмогну, – мрачно сказала Анея. – Куда ж деваться, не допускать же, чтобы ребятишки в полон угодили. Случись чего, Предславу на них выпущу. У неё давно уже кулаки чешутся, подраться хочет.

– Кулаки чешутся... – проворчала старая ведунья. – Замуж её надо! Девка выросла – косяя сажень в плечах, сила богатырская, – вот и дурит, вот и скачет по лесам медведицей! А так сидела б дома, мужа б обихаживала да деток кормила!

– Каких деток, Велиславна, ей пятнадцать всего! В старые времена только замуж так рано выдавали!

– Кого в старые, а кого и сейчас пора уже, – не уступала Веря. – Заневестилась сестрица твоя младшая, уж поди с парнями в переглядушки играет!

– Наставница!

– Чего «наставница»? Не знаешь, что способности наши от отца-матери детям передаются? Вы с сёстрами – дочери Вольхи Змиевича, внучки Змея Полозовича, правнучки самого Полоза Великого, зверя магии! Нельзя, чтобы кровь его расточалась бы! Предславе в девках сидеть нечего, чай, норов-то у неё не такой ядовитый, как у старшей-то сестры!

– Тьфу! У тебя, Веря Велиславна, не язык, а помело! Словно и не ведунья почтенная, уважаемая, а баба базарная. – Анея отвернулась, покрасневшись. Совсем наставница старая берега потеряла. Язык у неё всегда был острее, чем у самой Анеи, и с годами только язвительнее становился.

– Баба иль не баба, а пора Предславе замуж. Медведицей скачет, вот пускай медвежаток и плодит. Глядишь, тоже превращальщиками станут.

Анея Вольховна решила не отвечать. Сосредоточилась на кружащей в небе пустельге да на зайчишке, что, доскакав до самой реки, обернулся бобром. А может, выдрой, трудно различить отсюда; само собой, смотрела Анея не глазами.

Имперцы меж тем продолжали себе трудиться. Пыхтели их странные механизмы, визжали пилы, валились вековые деревья. Анея поморщилась – лесу было больно. И не только здесь – по всем предгорьям сейчас трещат вековые боры. Дивы, да и прочая лесная нечисть с юга бежит, через перевалы, в коренные земли подаётся, поближе ко градам. Недобрые дела затеваются, недобрые – деревень на южных склонах хребта хоть и не так много, да погоды здесь лучше, и урожаи вполне сами вызревают, без подземного огня, не то, что на севере. Некоторые поселения уже и до самой реки спустились, выше по течению. Правда, теперь вот имперцы...

– Ну? – проскрипела Веря. – Чего каркала, спрашивается, Анеюшка? Зорька себе кружит, Олыг под берегом смотрит да слушает. Никому до них и дела нет.

– Зрячий там, – мрачно изрекла Анея. – Засел где-то, вперёд не лезет.

– Вот и отлично. – Старая наставница оставалась невозмутима. – Пусть попробуют от него уйти. Сейчас, пока мелкие, пока ничего не боятся. А потом, знаешь, испугаться легко.

– Ох, Веря Велиславна. – Молодая ведунья не глядела на старуху. – Горда ты, воля у тебя что у того дуба; а вот только всё равно, нельзя так.

– Добром да лаской тоже нельзя, – скрипнула старуха. – Пробовали уже. Злость нужна, жёсткость, сила! Балует народишка подлый, нет в нём прежнего страха да к нам, ведуньям, уважения! Ничего, вот как полезут на север эти, с тварями своими стальными, тогда все узнают! Завоют, заплачут, в ножки кинутся – ан поздно будет!

– Да о чём ты, Велиславна? Кто в ножки кинется? Зачем?

– Зачем? Вот когда станешь собственного двора достойна, когда обживёшьего— узнаешь! Тебя бояться должны, бояться и уважать, за две дюжины шагов шапку ломать да в пояс кланяться! А кто не поклонится – тому чирей на зад! Враз почтения тогда-то прибавится! Мало я тебя учила?

– Почтения прибавится? С чего ради? Да и что с тем задом, вот если на нос...

– На нос нельзя – бабе красота первая вещь, будто сама не знаешь? Испугаться испугается, но и возненавидит. А на зад самое то. Мужик же всякого-такого боится до смерти, хоть и вида не показывает – стыдно с чирьем на заднице-то ходить да больно, дружки засмеют! Знаешь, сколько сестрица твоя средняя, Добронега Вольховна, таких вот вещей лечит?

Анея знала.

– Одним словом, Анеюшка, – ехидно почти пропела старая ведунья, – зря ты сюда навелась. Понимаю, понимаю, ошибку мою ждёшь, порадоваться промаху хочешь. Силушки в тебе хоть отбавляй, а уверенности, что ты именно первая чародейка в землях наших – нету. Двора своего по сю пору не нажила! Слова-то тебе все правильные говорят, а внутри ты сама – не веришь. Потому и за мной таскаешься, аки репей на хвосте.

Двора своего не нажила...

Верно говорит старая ведунья. Нет у Анеи своего двора. Да и с чего б ему взяться? Тот, где Верей сейчас живёт-поживает, Зорю с Ольгом уму-разуму учит – этот двор издавна передавался по наследству от одной чародейки к другой. Не всегда сильнейшей, но всегда – один из сильнейших. И обязательно – самой страшной, кого боялась вся земля.

Кто, если надо, дитя в печь на лопате посадит, когда все иные средства исчерпаны и только так попытаться вылечить можно, или – или.

Кто непослушных три дня по чащобам гонять станет, страхов на них напустит, ветками отхлещет, в болотах искупают. Кто-то, болтали, и совсем сгинуть может!

И кого начнёт мучить, со света сживать дикая сила, с какой уже не справиться человеку, да так не справиться, что других вокруг себя пожечь может – с ними тоже должна управиться эта, самая страшная ведунья, кого все боятся.

Жуткое дело – Анея поёжилась. Дважды при ней управлялась с такими старая Велиславна, творила тех, кто не погибелью для людей родного языка станет, но защитой. Бррр! До сих пор ужас пробирает...

Ей самой, Анее Вольховне, солоно на том дворе пришлось, ой как солоно!.. Так зачем это ей всё? Нет уж, лучше так, как сестрица Добронегга – от града ко граду ходить, людям помогать, болезни отводить. Или как сестрица Предслава – на переднем краю, на самой границе, охранять, защищать, если что – так и в драку. А на дворе этом жутком сидеть?..

– Смотри, – вдруг проговорила Анея, точно и не слыша насмешки былой наставницы. – Смотри, Верей Велиславна, вон он – зрячий-то! Не усидел в засаде, высунулся!..

Старуха вскинула голову, сощурилась.

– Ну да, высунулся. Эвон, в плаще чёрном, да в шляпе этакой смешной, как труба круглая.

– Силён, зараза, – прошипела Анея, сжимая кулаки. – Насквозь зрит! И холод в нём. Такой холод, что... – она не закончила, лишь потрясла головой.

– Нет, – ледяным тоном сказала Верей. – Плохо я тебя учила. Драла мало. Что значит «холод такой»? Истинная ведунья – она в корень зрит, в сердцевицу, суть видит! Как ты чары сплетёшь, коль нужно будет по-настоящему кровь ему в гниль обратить? Со свету сжить? Чтобы занемог, чтобы встать ему было? А ты что? «Холод такой» – и всё?

– Наставница... – обмерла Анея Вольховна. – Зачем?! Сама же знаешь, эти чары держи – не удержишь, вырвется лихоманка на волю, сколько людей с того помрёт! Болеть, она ведь не разбирает, где свои, где чужие, что войско вражье, где просто жители!

– Вот потому-то, – Верей внушительно откашлялась, – и отдали мне ребятишек учить, не тебе. Нет в тебе настоящей силы, Анея. Злость есть, да и та по верхам, а настоящей, глубинной, да и ярости чистой – нету. Вот только на злости мелкой далеко не уедешь, милая. Рановато ты от меня ушла, девонька. Ты на меня злилась только, а должна была уметь и возненавидеть по-настоящему. Тогда у наставницы с ученицей всё получается, когда чувства настоящие меж ними. И любовь, и ненависть. Всё вместе. Как в жизни.

Анея не ответила. Замерла, вглядываясь в уходящий из-под ног луг и реку с тёмной водой далеко внизу.

Кружит над руслом пустельга, затаился бобёр в речных зарослях. Всё хорошо. Силы вокруг много – и в воде, и в земле, и в ветрах. Как там Добронегга делает, когда старается? «Локоть-ладонь-пальцы»? – Анея невольно фыркнула.

Безо всякой особенной магии, лишь сделав чуть более зорким собственный взгляд, она видела высокого подтянутого мужчину в странном и нелепом одеянии – длинном, ниже колен, чёрном сюртуке с белоснежной рубахой под ним, чёрным галстуком-бабочкой и в высоком цилиндре. Анея Вольховна успела достаточно узнать об имперцах – перед ней был один из «лордов», как их прозывали простые обитатели юга.

Лорду кланялись почтительно, даже подобострастно. Тот в ответ кивал коротко и отрывисто. Пузатый невысокий человечек в кожаной тужурке и высоких сапогах, с пачкой светлых листов в руке что-то горячо объяснял.

Розмысел, видать, – «инженер», как таких звали имперцы. Ишь, волосья какие на лице – с боков отрастил, а подбородок бреет.

Лорд внезапно и резко вскинул руку. В ней что-то блеснуло, а затем – огонь, грохот, ударивший по ушам почти погрузившейся в транс ведуньи особенно сильно.

На тёмной серовато-синей поверхности реки взметнулся фонтанчик воды.

– Заметил! – охнула Анея.

Вода забурлила, какое-то существо рванулось к противоположному, северному берегу. Лорд резко выкрикнул команду, не прекращая стрелять.

Анея знала, на что способны многозарядные ружья и пистолы имперцев. У северян такого не было – только-только заполучили сколько-то всеми правдами и неправдами, стали разбираться, что в них и как.

Чёрная пустельга камнем рухнула с небес, выставив когти, целясь в лицо стрелявшему.

– Верея! – молодая ведунья уже тянула, поднимала из реки облака густого тумана, уже свивала ветер тугим комком, швыряя его, словно пушечное ядро, прямо туда, на правый берег.

Странная вещь – сила. Казалось бы, стихии тебе подвластны – рази! Пусти пал, сведи с неба разящие молнии, заставь самую мать-сыру землю расступиться; так, да не так.

Бьёт в кузне пудовым молотом могучий кователь, а потом из грубой его заготовки настоящий мастер творит уже конечную вещь. Ворожей, ведуньи, чародейки – не молотобойцы, другой дар у них. Защищать и оборонять, а не уничтожать. Эвон, даже подземное пламя усмиряем, а не тушим, не губим его.

К стрелявшему лорду меж тем с завидной лихостью и быстрой выскочили сразу шестеро стрелков; припали на одно колено, вскинули длинные ружья; река перед ними уже почти кипела, клубы густого тумана вздымались над ней, словно над котлом, что стоит на сильном огне.

Ветер ударил в лица стрелкам, швырнул им в глаза пригоршни брызг, речного песка, даже мелких камешков. Подействовало, но не слишком – четверо из шести имели предусмотрительно опущенные круглые очки.

– Верея!

Старая ведунья замерла корявым древесным корнем. Не шелохнётся, точно так и померла стоячи.

Чёрная пустельга сшибла высокий цилиндр с лорда, когти её пробороzdили ему щёку; вновь взмыла вверх, и в этот миг лорд, не обращая внимания на текущую по лицу кровь, вскинул руку – выстрел! выстрел! выстрел!

У пустельги подломились крылья, она камнем рухнула к земле – и точно так же оборвалось сердце у Анеи.

На посохе Вереи Велиславны яростным огнём вспыхнули янтарные глаза-вставки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.